

Тан Цзи

Три жизни,
Три мира

Шаг рождает ЛОТОС

РАЗРУШЕНИЕ КОКОНА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.581-31
ББК 84(5Кит)-44
Т18

三生三世·步生莲 1 化茧
唐七

**THREE LIVES AND THREE WORLDS.
STEP BY STEP. VOLUME 1
TANG QI**

This edition is published by AST Publishers LTD arrangement
through the agency of Tianjin Mengchen Cultural
Communication Group Co., Ltd.

Тан Ци

Т18 Три жизни, три мира : Шаг рождает лотос. Разрушение
кокона : роман / Тан Ци ; перевод с китайского Е. Воейковой
(Deinasari). — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 640 с. —
(Хиты Китая. Три жизни, три мира).

ISBN 978-5-17-179715-7

ISBN 978-5-17-179716-4 (Книга 1)

Что способно взволновать сердце бога?

Бог воды Лянь Сун — известный покоритель сердец, но его самого
давно ничто не трогает. Тем удивительнее, что когда погибает богиня
цветов, он жертвует частью своих сил, чтобы подарить ей шанс родить-
ся вновь. Много лет спустя Лянь Сун отправляется в мир людей, чтобы
отыскать ее перерождение, даже не подозревая, какие тайны давно за-
бытого прошлого откроются ему на этом пути.

Юная княжна Чэн Юй — смертная, однако духи цветов называют
ее своей госпожой. Она всегда кажется беззаботной и жизнерадостной,
но во сне и наяву ее терзает чувство вины за поступок, о котором она
не помнит.

Одним дождливым днем молодой бог и смертная девушка встре-
чаются у переправы. Он ищет в этом мире хоть что-то настоящее. Она
пытается спрятаться от теней прошлого. Кем они станут друг для друга:
спасением или гибелью?

**УДК 821.581-31
ББК 84(5Кит)-44**

梦辰文化
MENGCHEN

ISBN 978-5-17-179715-7

ISBN 978-5-17-179716-4 (Книга 1)

Copyright © Tang Qi
Cover illustration © People's Literature Publishing
House Co., Ltd
All rights reserved.
© ООО «Издательство АСТ», 2025
© Воейкова Е., перевод на русский язык, 2025

ПРОЛОГ

Когда рухнула Сковывающая пагода, раздался такой грохот, будто наступил конец света, однако на Двадцать седьмом небе никто не проронил ни слова. Небожители лишь вздыхали и откланивались один за другим. Они и не заметили, что под обломками девятиэтажной пагоды осталась лежать богиня Красных лотосов¹ из Нефритового пруда².

В сознание ее привела боль. Когда она открыла глаза, то в красном мареве перед собой увидела, что обе ее ноги отрезало Оковным камнем, а у самого ее лица навис обломок чернильной стены Сковывающей пагоды. В холодном и тусклом лунном свете боль плотной паутиной обвивала ее слой за слоем, точно куколку, которой никогда не вырваться из кокона.

Еще не запертая небожителями темная ци, словно водный дракон, неспешно плыла над рассветным солнцем. Необъятный туман пролился кровавым дождем. Казалось,

¹ Красный лотос (кит. 红莲) — символ седьмого холодного ада, где кожа человека растрескивается, напоминая алый лотос. (Здесь и далее — прим. пер.)

² Нефритовый пруд (кит. 瑶池) — место обитания богини Сиванму, хранительницы персикового дерева, чьи плоды даруют бессмертие.

между сверкающим Млечным Путем и пеленой облаков натянули рулон багрового шелка.

Алые капли застучали по ее лицу, ледяными шипами впиваясь в кожу. Холодный пот градом катился по вискам, горло осипло и не слушалось.

Больно. Бесконечно, безостановочно больно.

Она не знала, просить ей о помощи или умолять о смерти. Уж тем более она не знала кого. Боль не давала ей двинуться, не давала даже самой оборвать свои страдания.

От вездесущего дождя не было спасения. Она вспомнила, зачем пришла сюда — помочь своему хорошему другу Сан Цзи вызволить его любимую, запертую в Сковывающей пагоде. Разве не знала она, что вторжение в Пагоду — это непростительное преступление, за которое изгоняют с Небес без права на возвращение? Она просто положилась на удачу, как и всегда.

Однако сколь велико бы ни было везение, однажды и ему приходит конец.

На этот раз спасенные, как и полагается, ушли, а ей, исчерпавшей всю свою удачу, не осталось иного выхода, кроме как принять за них удар разрушительного гнева и обид, скопившихся в девятиэтажной пагоде за многие века.

Когда пагода рухнула, с ее вершины с грохотом упал Оковный камень, сдерживавший тьму. Каменная глыба со скоростью метеорита точно взмахом острого топора расколола выжженную землю в трех цунях¹ от ее ног. Она успела лишь крикнуть вдогонку:

— Не оборачивайтесь!

«Не оборачивайтесь».

Последним, кого она увидела до того, как Оковный камень загородил ей обзор, был Сан Цзи, который, крепко прижав свою женщину к груди, уворачивался от поднима-

¹ Цунь (кит. 寸) — мера длины, равная примерно 3,33 см. (Далее древнекитайские термины измерения длины и веса см. на стр. 621.)

шейся клубами пыли и летевших отовсюду осколков. Он послушал ее и ни разу не обернулся.

С Двадцать седьмого неба не видно Небесного дворца. Спаслись они или нет, ей ведомо не было. За их спасение она расплатилась жизнью. Если честно, она не думала, что это будет настолько опасно. Перед тем как отправиться сюда, она решила, что поступает так безрассудно в последний раз. Нужно лишь помочь им сбежать с Небес — и больше ей не придется рисковать жизнью ради друга, а дни ее потекут легко и беззаботно.

Но кто бы ей сказал, что мысли окажутся пророческими и это правда будет ее последний раз. Самый-самый последний.

«Праведная небожительница умерла под обломками Сковывающей пагоды, что удерживала сам мрак». Даже для нее это звучало унижительно. Цепляясь за окровавленные камни, она попыталась потихоньку вытащить себя из-под завалов, однако каждое движение отдавалось такой мукой в теле, будто его кромсали тысячами тупых клинков.

Она посмотрела, как ее кровь расплзается под Оковым камнем и стекает в зеркально-гладкое Озеро омрачений¹. Там, где остались извивающиеся кровавые потеки, тут же буйно расцветали красные лотосы. В мгновение ока все Двадцать седьмое небо окрасилось алым цветом, полным воистину темного очарования.

Во всех трех тысячах великих тысячных миров², где бы ни распустился красный лотос, последнее его

¹ Озеро омрачений (*кит.* 烦恼海) — буддийский термин, означающий глубокое и большое омрачение (искажение восприятия мира), которое приводит тело и душу в беспорядок так же, как ветер поднимает волны на безбрежной водной глади.

² Три тысячи тысячных великих миров — согласно древним буддийским представлениям, Вселенная состоит из миллиарда одинаковых по структуре миров. В центре Вселенной находится гора Сумеру. Миры группируются в три хилиокосма (виды «тысячных миров»): «малый», состоящий из тысячи миров и окруженный

цветение являло собой зрелище небывалой красоты. Что уж говорить о ней, повелительнице цветов, — самой почитаемой богине цветов среди четырех морей и восьми пустошей.

Она умирала. Лотосы заполонили десять тысяч ли весенними красками — то был миг отчаянной красоты последнего цветения.

Темная ци, до того беспорядочно разливавшаяся в вышине, внезапно сгустилась, образуя громадную человеческую фигуру, и свирепо ударила сразу с четырех сторон в плетение Диша¹. Угрожающе зарычала.

Занимался рассвет. Действительно, лучшее время для встречи со злом.

Она уже не ждала, что кто-то спасет ее. Пусть, едва очнувшись, она и подумала об этом на мгновение, теперь же, когда Сковывающая пагода рухнула, на волю вырвались десятки тысяч злобных духов. Небожители запечатали Двадцать седьмое небо плетением Диша — очевидно, что никто на Небесах не мог подавить нечистых духов, копивших взаимную ненависть сотни тысяч лет.

Она правда примирилась с судьбой.

Она не родилась с бессмертным началом, но долгие годы совершенствовалась, чтобы достичь бессмертия. Ей пришлось отринуть семь желаний и усмирить шесть чувств². Однако даже если на этот раз ей посчастливится выжить, того, к чему стремилось ее сердце, ей никогда не достичь. Не так уж и плохо умереть вот так.

огромной стеной; «средний», состоящий из тысячи «малых» хилиокосмов и окруженный такой же огромной стеной; «великий», состоящий из тысячи «средних» хилиокосмов и также окруженный стеной.

¹ Диша (кит. 地煞) — семьдесят два духа звезд Большой Медведицы, оказывающие дурное влияние и считающиеся воплощением злых сил земли.

² Семь желаний в буддизме — радость, гнев, печаль, страх, любовь, ненависть и вожделение. Шесть чувств в буддизме — вкус, осязание, обоняние, зрение, слух и сознание.

В этой жизни ей не на что надеяться. Не так уж и страшно, если она не выберется из-под обломков Сковывающей пагоды. Пусть через несколько дней все будут смеяться над этой историей, она не услышит насмешек.

Она уже собиралась со спокойной душой закрыть глаза, как вдруг сквозь бескрайнюю пелену облаков донеслись отголоски звучания флейты. Заслышав флейту, скопление темной силы у восходящего солнца задрожало, точно загнанный зверь, в тело которого всадили острый клинок. Его истошный яростный рев прогрехотал на многие ли вокруг. Окутывавшая ее непрерывная боль мгновенно рассеялась. Она распахнула глаза.

В туманной дали с другой стороны неба вдруг взметнулись чудовищные волны. Над их белыми гребнями в ослепительном сиянии кружил огромный серебристый дракон.

Она попыталась поднять руку, чтобы протереть глаза, но сил не нашлось. Каждая новая волна поднималась выше предыдущей, надвигаясь и грохоча, словно многотысячное войско. Где бы ни проходили эти волны, клокотавшая там темная сила рассеивалась без следа. Кровавый дождь выцвел, и прежде свистящие звуки флейты сменились размеренной и умиротворяющей мелодией. Двадцать седьмое небо обратилось в Чистую землю¹.

Во всех мирах она знала лишь одного бога, способного трелью флейты устроить столь величественное зрелище. Однако в это время он должен был, облачаясь в тяжелые доспехи, сражаться с полчищами демонов, обосновавшихся в далекой Южной пустоши...

Впрочем, размышлять о том было поздно. Перед глазами появилась пара белоснежных парчовых сапог. Хотя вся земля вокруг была залита кровью, те оставались безупречно чистыми. Ледяной мужской голос прозвучал над ее головой:

¹ Чистая земля (кит. 淨土) — обитель блаженства и умиротворения, рай будды Амитабхи в буддизме Махаяны.

— Меня не было всего несколько дней, а ты умудрилась встрять хуже некуда.

Она с усилием приподняла голову и взглянула на бес-
смертного в белых одеждах, который присел возле нее. На ее бледном лице появилась горькая улыбка, когда она, запинаясь, заговорила о том, о чем ей было не суждено до-
говорить:

— Я лишь надеялась, что мне... повезет.

Туман постепенно рассеялся, и сверкающие солнечные
лучи, пробившись сквозь плетение Диша, залили каждый
уголок Двадцать седьмого неба. Она уже не могла разгля-
деть выражение его лица и только ощутила, как холодные
пальцы осторожно коснулись ее щеки.

— Ты правда думаешь, что сейчас тебе *повезло*?

Он впервые так с ней говорил. Никогда прежде он
не произносил ничего подобного.

Возможно, когда оказываешься на пороге смерти, мно-
гое, о чем никогда серьезно не задумывался, проясняется
в мгновение ока. Как нелепо — она, бессмертная небожи-
тельница, верила в какую-то удачу!

Она не плакала, когда ее придавило обломками Сковы-
вающей пагоды, хотя ей было больно, как никогда раньше.
За всю жизнь она ни разу не пролила и слезинки не пото-
му, что была сильна, а потому, что красному лотосу не от-
мерено слез. Когда у него болит сердце, он плачет кровью.
В уголках ее глаз выступили алые капельки и скатилась
по безжизненно-серой щеке.

Слишком поздно она все поняла и теперь не знала, как
ответить. Капельки крови сгустились и красными нефрита-
ми упали в его ладони. Она набрала воздух и из последних
сил постаралась закончить:

— Если есть следующая жизнь, ваше высочество тре-
тий принц... — Она стиснула его ладонь. — Если есть сле-
дующая жизнь...

Настал ее последний час: повсюду вмиг завяли
красные лотосы, а непрозвучавшие слова так и повис-
ли в пустоте. Ослабевшие руки разжались, отпуская его.

Из уголков плотно сомкнутых глаз скатилась маленькая рубиновая капелька.

Опустив голову, он долго смотрел на девушку. Затем вложил красные камни в ее остывающие ладони и сжал.

— Если есть следующая жизнь, то что, Чан И?

Вновь на многие чи вздыбились изумрудные волны Озера омрачений, вновь распустился в воздухе эпифиллум, чьи белые цветы заколыхались на ветру под струями дождя.

Если есть следующая жизнь...

Но разве есть она у бессмертного?..

ГЛАВА 1

В середине лета на четвертый год правления под девизом «Почитание изначального» княжна¹ Хунъюй², госпожа именина Цзинъань, возвращалась в Пинъань из усадьбы Поздней вишни, что в Личуане. А спешила она в столицу потому, что бабушка ныне властвующего императора, великая вдовствующая императрица, просватала ее за некоего генерала, только что одержавшего блестящую победу.

Чэн Юй, княжна Хунъюй, осиротела еще совсем малюточной. Когда ей было шесть, ее отец, князь Цзинъань, погиб на поле боя; ее матушка, супруга князя, заболела от горя и слегла. Она продержалась полгода и ушла вслед за мужем, не дожив до дня, когда Чэн Юй исполнилось семь. С тех пор во всем огромном княжеском доме Цзинъань осталась одна-единственная маленькая девочка.

Рано потеряв обоих родителей, княжна Хунъюй и поумнела рано. Получив указ великой вдовствующей императрицы о свадьбе, она повела себя совсем не так, как повели бы себя ее сестры-принцессы: те сперва разуз-

¹ Княжна (ит. 郡主, цзюньчжу) — обычно так называли дочерей кровнородственных князей, носивших ту же фамилию, что и император.

² Хунъюй (ит. 红玉) переводится как «красный нефрит».

нали бы, отвечает их желаниям будущий муж или нет. Если бы он не пришелся им по нраву, нелюбимые принцессы залились бы слезами, потом смиренно вышли бы замуж; любимые же принцессы разрыдались бы еще сильнее, отказались бы выйти замуж и учинили во дворце переполох.

Однако поведение Чэн Юй разом успокоило все сердца. Княжна не попыталась разузнать, отвечает будущий муж ее желаниям или нет, и не пролила ни одной слезинки. Она молча взяла пальцы, села в повозку и спокойно принялась вышивать свадебное платье, прикидывая, сколько ей потребуется времени, чтобы прибыть в Пинъянь к положенному сроку.

Но едва она въехала в столицу, как ей сообщили: помолвка расторгнута. Посыльный давно отправился к ней, однако, похоже, они разминулись.

Согласно вестям, дошедшим из дворца, брак не случился из-за того, что генерал, которому его даровали, заявил: «Покуда не побеждена Северная Вэй, не смею создавать семью». Любовь генерала к родине так тронула великую вдовствующую императрицу — все же он отказался от личного счастья ради счастья всеобщего, — что она, как генерал и хотел, оставила попытки его женить.

Служанка Чэн Юй, Ли Сян¹, была вспыльчивого нрава. Едва она услышала, что за довод привел генерал, дабы отказать от помолвки, как тут же пришла в ярость.

— «Покуда не побеждена Северная Вэй, не смею создавать семью»?! Мало того, что в последние годы Северная Вэй набрала военную мощь и каждое столкновение приводило к потерям с обеих сторон, но даже во времена Тай-цзуна, основателя династии Великой Си, когда Северная Вэй была еще слаба, мы смогли воткнуть знамя нашей Великой Си только у их Нефритовой переправы! Он!.. Да он просто ищет отговорки, потому что не хочет жениться на нашей княжне! — Ли

¹ Ли Сян (кит. 梨响) переводится как «шелест груши». (Далее значения цветов и деревьев см. на стр. 624.)

Сян с глазами, полными злых слез, воскликнула: — Княжна вот уже два дня и две ночи не выходит, запершись под крышей! Наверняка у нее, претерпевшей подобное унижение, сердце разрывается. Так мне беспокожно за нее!

Чжу Цзинь, главный управляющий, безо всякого выражения осматривал лекарство, что держал в руках.

— Не беспокойся. Она и позавтракала, и пообедала, и поужинала, а ночью еще и позвонила в колокольчик, чтобы служанка подала ей закуску.

Ли Сян разрыдалась еще сильнее.

— Душевные терзания — трудоемкое дело! Княжна наверняка много ест, потому что тратит уйму душевных сил! А требуется их столько, потому что все они уходят на страдания. Ох, бедненькая моя княжна-а-а...

Чжу Цзинь замолчал и посмотрел на нее долгим взглядом. Потом с непонятным чувством на лице проговорил:

— На удивление с таким кривым ходом мысли ты вернула ко вполне разумному выводу.

Когда Ли Сян упомянула крышу, она имела в виду крышу пагоды Десяти цветов — самого высокого здания столицы. Десятиэтажная пагода возвышалась даже над девятиэтажной пагодой государственного буддийского храма на окраине города. Двери пагоды Десяти цветов не открывались ни днем, ни ночью, поэтому никто не знал, для чего она построена.

Годы шли, и легенды вокруг нее множились. Самой известной была следующая. Говорили: «Цветы, что венчают собрание прекраснейших из них, — все они в пагоде Десяти цветов. Скрыты в ней редкие цветы и невиданные травы, а с ними — множество сокровищ и красивых людей».

Пагода Десяти цветов казалась небесной обителью покоя и благодати.

И хотя до небесной обители пагода, может, и не дотягивала, зато редких цветов, невиданных трав, сокровищ и красоты в ней действительно имелось немало.

Ходили слухи, что на первом году жизни княжну Хунъюй поразил странный недуг. Искуснейшие лекари Под-

небесной только беспомощно разводили руками. Девочка угасала день ото дня, и князю Цзинъаню не оставалось ничего, кроме как обратиться к наставнику государства¹. Тот начертал им предписание из семнадцати слов: «Возведите высокую пагоду, соберите сотню цветов, растите княжну до пятнадцати лет, и недуг тогда излечится сам собой».

Получив сие предписание, князь Цзинъань попросил императора издать указ. За три месяца возвели десятиэтажную пагоду, где собрали сотню различных цветов и трав — вот откуда в ней взялись «редкие цветы и невиданные травы».

Теперь к сокровищам. Среди цветов, собранных князем Цзинъанем, имелось два цветка, которые путем долгого совершенствования научились принимать человеческий облик. Даже в императорском дворце не нашлось бы подобных диковинок. Разумеется, их можно было назвать бесценными сокровищами. Оба приближенных княжны и были духами тех цветов — это грушевое дерево Ли Сян, служанка Чэн Юй, и гибискус Чжу Цзинь, ее главный управляющий, который заведовал всеми внутренними делами пагоды.

И, наконец, красивые люди. Пускай единственной, кто в пагоде Десяти цветов мог сойти за настоящего человека, была сама княжна Хунъюй Чэн Юй, глядя на ее прекрасное лицо, устыдились бы и растущие в пагоде цветы. Красота ее одной сравнилась бы с красотой сотни чаровниц, поэтому все обитатели пагоды искренне полагали, что слухи о множестве красивых людей отнюдь не лгали.

Ранним утром третьего дня красивая, как сотня чаровниц, княжна Хунъюй с чернющими, словно у панды, кругами под глазами выплыла из-за дверей опочивальни. Сторожившая снаружи Ли Сян стрелой метнулась ей навстречу.

¹ Наставник государства (кит. 国师) — почетный титул высокообразованного человека при дворе. Так называли человека, который обладал глубоким пониманием своего учения, разбирался в традиционных китайских науках и отличался высокой нравственностью. Им мог быть как даос, так и буддист или конфуцианец.

С одной стороны, она очень беспокоилась о драгоценном здоровье своей юной госпожи, с другой — не смогла удержаться от ругательств:

— Тот проклятуший генералишка глаза имеет, да ими не пользуется, такой благословенный брак упустил! В любом случае не нашей княжне полагается от тоски чахнуть! Если вы из-за него здоровье подорвете, что нам тогда делать?

Чэн Юй оставила ее возгласы без внимания, сонно протянула Ли Сян лазурный узел с платьем и, зевнув, сказала:

— Отправь это в лавку Изящных узоров, они там сейчас с ног сбиваются.

Служанка приоткрыла узел и перепуганно выдохнула:

— Это же ваше свадеб...

Чэн Юй никак не могла перестать зевать. Она прикрыла рот ладонью, в уголках ее глаз выступили слезы.

— Я переделывала его два дня, ушив по размеру одиннадцатой принцессы и украсив узорами, которые ей непременно понравятся. — Видя, что на лице Ли Сян не появилось ни капли понимания, княжна, превозмогая сонливость, пояснила: — В следующем месяце одиннадцатая принцесса выходит замуж. Сама она едва сможет расшить простыню новобрачной, а из дворцовых мастериц ей ни одна не нравится. Слышала, они заказали свадебные одежды в лавке Изящных узоров у госпожи Сусю, однако у той последние дни болят глаза, так что в лавке теперь все вверх дном... — Чэн Юй протянула руку и похлопала по узлу с платьем в руках Ли Сян. Глаза ее блеснули. — Им срочно нужно платье, так что мы можем преспокойненько задрать цену до небес. Выманить у них пятьсот золотых будет легче легкого.

Ли Сян молча хлопала глазами. Наконец она выдавила:

— Значит... Эти дни вы вовсе не страдали оттого, что генерал отказался на вас жениться?

Княжна перестала зевать, задумалась на мгновение, а потом быстренько прислонилась головой к дверному косяку.

— Страдала! Очень страдала! Как же тут не страдать... Тот генерал, хм, тот, как же его... Тот генерал...

Служанка суховато напомнила:

— Генерал Лянь. Фамилия генерала — Лянь.

Чэн Юй, запнувшись, продолжила:

— А, точно, генерал Лянь. Такой непоколебимый мужчина — железо и кровь! Ай-я, поклялся, что не создаст семью, покуда Северная Вэй не побеждена. Человек великих устремлений и далекоидущих планов! Воистину, упустишь такого прекрасного мужа — будешь сожалеть до конца жизни. Эх, не повезло мне...

На этих словах она попыталась выдать правдоподобный вздох, но не удержалась, и вздох перешел в зевок.

Ли Сян потеряла дар речи.

— О таком нельзя упоминать. — Юная госпожа уже ловко отвлекала внимание Ли Сян от своего несвоевременного зевка. — Видишь, только вспомнили об этом несчастье, и меня снова сожалением кольнуло! — И тут же, пользуясь случаем, девушка выдумала прекраснейшее оправдание тому, чтобы вздремнуть днем: — В полдень обед можешь не подавать. Как проснись, кхе, как оправлюсь от этой терзающей меня обиды, сама схожу за пирожными.

С этими словами Чэн Юй ступила одной ногой в спальню, затем застыла на пороге, будто задумавшись на мгновение, и вернула ногу назад. Усилием, которое она затратила, чтобы открыть слипающиеся и слезящиеся глаза, можно было двигать горы. Поманив Ли Сян пальцем, она настойчиво произнесла:

— Ты уж меня не подведи. Пятьсот золотых — и ни одним золотым меньше, поняла?

Служанка ошарашенно промолчала.

Ли Сян маялась полдня и, сдавшись, за обедом обратилась к Чжу Цзиню:

— Так страдает княжна или нет?

Управляющий, до этого увлеченно выбиравший кинзу из супа с редькой на костном бульоне, услышав во-